

Автор этой публикации — из тех энтузиастов телевидения, кто стоял у истоков регулярных передач, начавшихся в 50-е годы в студии на Шаболовке. Записки, отрывки из которых мы предлагаем вниманию читателей, полностью печатаются в журнале «Молодая гвардия».

Ода Шаболовке

Я и теперь часто бываю на Шаболовке, веду оттуда передачи «Спокойной ночи, малыши!». И каждый раз, когда переступаю знакомый порог, не перестаю удивляться, каким родным и близким кажется мне этот в общем-то неудобный и старый дом. Я знаю в нем каждый закоулок, знаю, сколько шагов от студии «А» до студии «Б», сколько ступенек ведут к парадному подъезду. Насколько замедляю шаг, когда прохожу мимо бывшей дикторской. Маленькая комната, одна на всех. Здесь мы гримировались, переодевались. Говорят, толь на выдумки хитра. Из одного платя я «сочиняла самые разные варианты», вплоть до того, что надевала задом наперед (получался другой вырез), и просила оператора «взять» только поясный план. А поскольку телевидение было еще черно-белым, зрители не знали, какого цвета сегодня на мне платье. Когда я вхожу в нашу бывшую дикторскую, ловлю себя на том, что срабатывает условный рефлекс — поднимаю

Валентина Леонтьева,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной премии СССР

глаза вверх и смотрю на стену над входной дверью. Раньше там висели большие часы. Мы все неотступно следили за минутной стрелкой, боясь опоздать.

На Шаболовке мне всегда становится немного грустно: так свежи воспоминания о моих молодых дикторских годах! Это не только благодарная память, но и груз прожитых лет.

В молодости многое давалось как-то легче, а теперь все труднее и труднее. Как ни странно, повинен в этом профессиональный опыт. Поясняю: по наивности ты даже не подозреваешь, какие подводные рифы могут встретиться на твоём пути, курс еще не проложен, лоцманской карты у тебя нет, ты идешь вслепую, а смелости и отваги по незнанию больше. Каждое новое столкновение со стихией неожиданно для тебя. И в этом есть свое «успоение в бою». Оно оставляет зарубки в твоей профессиональной памяти, и чем шире практика, тем больше таких зарубок, тем отчетливее ты представляешь всякого рода неожиданности, которые подстерегают тебя в плавании. Впрочем, не считайте эти слова за отрицание профессионального опыта.

Артист

Телевидение начинало свои передачи с 19.00. В утренние и дневные часы шли репетиции. А часа за два до эфира наступало затишье. Только техники настраивали камеры, занимались профилактикой в аппаратуре, а так весь многоликий телевизионный суетный мир как-то растворялся. В фойе, коридорах — ни души, буфет закрыт на перерыв, разве что жизнь еще не замирала в редакционном и административном здании, но оно стояло на отшибе. Театральные спектакли тогда показывались, как у нас говорят, «живьем». Уже значительно позже, лишь в начале 70-х годов, их стали снимать на пленку. Теперь телевидение располагает прекрасным фондом, который сохранит и для будущих поколений лучшие спектакли МХАТа, Малого театра, Театра имени Вахтангова, БДТ имени Горького... А тогда, накануне эфира, привозили декорации из театра в студию «Б», актеры репетировали, обычно вполсилы, лишь для того, чтобы телевизионный режиссер и операторы могли «пройти» мизансцены и раскадровать спектакль для телевизионного показа.

В этот вечер, о котором я хочу рассказать в программе телевидения был спектакль «Перед заходом солнца» Театра имени Евг. Вахтангова с народным артистом СССР Михаилом Федоровичем Астангуновым в главной роли Маттиаса Клаузена. Я случайно задержалась по каким-то делам, иду по коридору и вижу красивого седого человека, подтянутого, элегантного. Элегантного с тем чувством меры, которое дают и вкус, и возраст Маттиаса Клаузена. Такой изысканный налет старомодности во всем облике. Я была хорошо знакома с Михаилом Федоровичем, но не посмела с ним поздороваться. Коридор был узкий, я отступила на пару шагов, хотела дать дорогу артисту, не потревожить его внутренний мир. Михаил Федорович такой «жесткий» не

принял, пропустил меня, слегка поклонившись. Но поклонился мне не Астангов, знакомый с диктором В. Леонтьевой, а тайный советник Маттиас Клаузен поклонился из вежливости незнакомой даме. Уже давно были продуманы, выверены, зафиксированы малейшие нюансы образа, а артист за три с лишним часа до начала показа спектакля по телевидению не просто был загримирован и одет в театральный костюм, он уже жил жизнью своего героя. «А во имя чего же прошла моя жизнь?» — об этом думал Клаузен или обновленная душа его воскресла к новой жизни? Не знаю, но земные его чувства были спрятаны. Никого, кроме Астангова, из участников спектакля еще и в помине не было...

Домой успела к началу спектакля, и я почти физически чувствовала те токи, импульсы, которые посылали мне, именно мне, Астангов в роли Клаузена из того шаболовского коридора, где начинался пролог к его спектаклю.

Курьезы

Шла передача — некий прообраз «Мира животных». Ученый принес на передачу аквариум со змеями — гадюками и еще какими-то, из его рассказа я поняла, что ядовитыми. Он закончил свой рассказ и накрыв аквариум бумагой, а я завершила передачу. Вдруг каким-то боковым зрением вижу, как бумага эта шевелится, чуть скосила глаза и вижу, как из аквариума змея вылезает. Теперь бы я, естественно, попросила выступающего убрать

змею, а тогда... К счастью, все обошлось.

Рассказываю телезрителям о новом сорте стекла, самом прочном, которое не бьется, если даже упадет на железобетон. Ведь репетировала, несколько раз роняла на железобетонный брус, хоть бы что. Демонстрирую прочность стекла во время передачи — поднимаю его на уровень плеч и бросаю... Конечно, вы догадались, что произошло, — стекло разлетелось на дождевые брызги. «Видимо, те, кто его изобрел, не рассчитали мою силу», — говорю я.

Объявляю начало детской передачи и вдруг слышу какие-то странные звуки, раздающиеся из ящиков, стоящих неподалеку. Понимаю, что их слышат зрители. Но поскольку знаю, о чем будет рассказано в детской передаче, догадываюсь, что это топочут настоящие живые гуси, которых будут показывать детям. «Слышите, какое нетерпение проявляют ваши гости, — говорю я маленьким телезрителям, — пора начинать передачу». И словно в подтверждение моих слов, самый важный гусь загоготал особенно громко. Хорошо хоть в эфир не прошел смех тех, кто работал в студии, научились смеяться молча, как в театре бывает во время спектакля; и повод пустячный, а смешинка на сцене кому-нибудь из актеров в рот попадет, начинается цепная реакция. Остановиться невозможно. Так было и здесь. На глазах у них были слезы от смеха. Наверное, только одна я не смеялась...

К нам пришло пополнение. Аза Лихитченко стала дикто-

ром, и вот она мне рассказывает, что теперь модна новая прическа с начесом. Тогда ни парикмахеров, ни гримеров нам не полагалось, шла полная самостоятельность, каждый кто во что горазд. Устоять перед искушением и отказаться от предложения Азы сделать мне начес я не смогла. От своей новой прически я пришла в полный восторг. Вхожу в студию, сажусь перед камерой и говорю операторам: «Ребята, поглядите на меня, как из таких коротких волос можно сделать целое сооружение!» Говорю и не подозреваю, что звукорежиссер вывел звук в эфир до предыдущего звонка. Раздается сигнал, и я уверенно начинаю читать программу передач. Но это еще не все. Я была в маленькой студии, на контровой верхний свет, чтобы не блистали волосы, чтобы не было этого ореола вокруг головы, обычно надевали марлеву сетку. И надо было ей именно в этот раз загореться — искры и пепел летели на мой начес, а я не чувствовала. До сих пор удивляюсь, как мои волосы не загорелись. Только кончив объявление, почувствовала запах гари. Пришла в дикторскую, раздается телефонный звонок. «Попросите, пожалуйста, Леонтьеву», — мужской незнакомый голос. «Да, я слушаю». — «Спасибо вам, теперь мы знаем, что из коротких волос можно сделать такую сногсшибательную прическу. А не скажете ли, что сыпалось на вашу голову сверху?» — «Это была последняя деталь, завершившая модную прическу», — ответила я.

Владельцев телевизоров тог-

да было не так много, тираж наших передач был маленький, и отнеслись мы к телезрителям не то что с меньшим уважением, а как-то проще, по-домашнему. Случись что-нибудь подобное теперь, я, конечно бы, извинилась, а тогда отделалась шуткой. Но урок получила хороший — в студию надо приходить собранной, сосредоточенной, внутренне готовой к эфиру.

А мне не страшно...

В 60-е годы несколько преувеличивались страхи ведущих перед телевизионной камерой. Камеру называли коварной, красный глазок сравнивали с глазом удава или циклопа, прямому репортажу в эфир искался аналог в цирке, когда исполнитель работает под куполом без лонжа и зритель как бы вместе с ним переживает риск и опасность. Нам задавали такого рода вопросы: «А вас никогда не охватывает состояние паники во время передачи?» Или: «Что испытывает человек перед камерой в студии?» Не придет же никому в голову спросить актера, какое чувство он испытывает на сцене, когда открывается занавес.

Приводился также пример, что на Западе комментаторы пьют перед выступлением для смелости кто виски, а кто транквилизаторы. У нас один из литераторов (видимо, из добрых чувств ко мне) написал, что «Леонтьева так «болеет» за свои передачи, что перед каждой заболевает физически! Не было почти ни одной передачи, когда бы перед началом запи-

си она была совершенно здорова».

Преувеличение. Я действительно не сплю ночь перед записью, но бессонница и отсутствие аппетита ничего общего не имеют с нервным шоком. Это творческое волнение. Оно естественно, неизбежно и многим знакомо, каждый его переживает по-своему.

В свое время Сергей Сергеевич Смирнов сказал о Нине Кондратовой: «Ощущение телезрителя — у нее элемент естественного человеческого общения. Кивнуть глазку телекамеры для нее так же естественно, как сказать на улице знакомому — здравствуйте!»

Какая добрая и простая формула.

В книге В. Саппака «Телевидение и мы» много написано о работе дикторов, в частности о моей. Боюсь показаться нескромной, но фразу, которую сейчас процитирую, помню наизусть: «Итак, телевидение, год 1960-й. Если бы у меня спросили, что более всего другого мне интересно на телеэкране, я бы, не задумываясь, ответил: диктор Валентина Леонтьева. (Трудно передать, какие чувства эти слова у меня вызвали. — В. А.). По известному закону психологии нам интересно не то, что мы знаем вполне, и не то, что мы не знаем вовсе. Нам интересно только то, что мы уже знаем, но знаем недостаточно. Мы вроде бы знаем о Леонтьевой, о Шиловой очень многое. И не знаем почти ничего. Закон неполного знания, стремящегося стать полным, действует здесь в самом своем чистом виде».

В своей книге Саппак делится

впечатлениями от одной передачи, в которой дикторы читали А. П. Чехова. Я тоже в ней участвовала. Саппак пишет: «Леонтьева вдруг перестала быть мне интересна. Она интересна как раз тем, что воспринимается не как актриса».

Здесь сформулированы эстетические критерии работы диктора. Диктор должен оставаться самим собой, в этом проявляется его мастерство.

Не буду лукавить, прошло немало лет, прежде чем многие мысли Саппака стали моими собственными. Теперь я знаю: «Нет ничего более насыщенно интересного и практически важного, чем все то, что связано с характером и смыслом общения экрана и зрителя».

С Владимиром Саппаком я не была знакома. Мне рассказывали, что, когда его спросили: «Знакомы ли вы с Леонтьевой?», он ответил: «Нет, боюсь разочароваться».

Не могу простить себе, что это знакомство не состоялось. Мы, дикторы, не избалованы конструктивной критической мыслью — нет, не рецептами, не регламентациями, а критериями, которыми можно поверять, что ты делаешь и как ты это делаешь. Надо было поблагодарить человека, первым взявшего на себя труд осмыслить контакты телевидения и его зрителя.

Учусь не расставаться с детством

Однажды покупаю в булочной хлеб. Достаяю мелочь из

сумки и чувствую, как что-то мягкое трется о мою ногу. Обобщаю и вижу: маленький мальчик легонечко теребит меня лапой своего резинового медвежонка. Я присела перед ним на корточки, он протянул мне свое сокровище: «Ня». Я не сразу поняла, вернее, боялась ошибиться, догадавшись, что малыш приносит неслыханную жертву.

— Он хочет подарить вам своего медвежонка, — сказала его мама.

Пуговки глаз у медвежонка светились, светился и его хвостик. Малыш был вдохновенно бескорыстен. Я взяла медвежонка и увидела, что у него откушен носик — вместо третьей пуговки была дырка. Значит, самый любимый, показанный, с которым ребенок не расстается.

— Я не могу принять такой подарок, — сказала я его маме.

— Он с ним ест, спит, купается. Самое дорогое отдаю вам. Как же вы можете отказаться!

В этот вечер я вела передачу «Спокойной ночи, малыши». — Сегодня я вам расскажу мальчишке, который мне сделал такой подарок, какого я еще жизни никогда не получал.

Хрюша и Филя насторожились. Это была импровизация. Для куколочков мой рассказ явился полной неожиданностью, но мы понимали друга друга. Мои партнеры прекратили изучать характеры своих зверюшек, экспромты их страшили, напротив, иногда мне приходилось подхватывать на лету их вариации.

И вот я кладу на стол то самого медвежонка.

ЗНАНИЕ В ЛЮБИ

...стью, все ром, и вот она мне рассказы- вает, что теперь модна новая прическа с начесом. Тогда на парикмахеров, ни гримеров нам не полагалось, шла полная самодельность, каждый кто во что горазд. Устоять перед искушением и отказаться от предложения Азы сделать мне начес я не смогла. От своей новой прически я пришла в полный восторг. Вхожу в студию, сажусь перед камерой и говорю операторам: «Ребята, погляди- те на меня, как из таких корот- ких волос можно сделать целое сооружение!» Говорю и не под- зреваю, что звукорежиссер вывел звук в эфир до преду- преждающего звонка. Раздается сигнал, и я уверенно начинаю читать программу передач. Но это еще не все. Я была в ма- ленькой студии, на контровой верхний свет, чтобы не блестя- ли волосы, чтобы не было эта- кого ореола вокруг головы, обычно надевали марлеву сет- ку. И надо было ей именно в этот раз загореться — искры и пепел тегели на мой начес, а я не чувствовала. До сих пор удивляюсь, как мои волосы не загорелись. Только кончив объявление, почувствовала за- пах гари. Пришла в дикторскую, раздается телефонный звонок. «Попросите, пожалуйста, Ле- онтьеву» — мужской незнако- мый голос. «Да, я слушаю». — «Спасибо вам, теперь мы знаем, что из коротких волос можно сделать такую сногшибатель- ную прическу. А не скажете ли, что сыпалось на вашу голо- ву сверху?» — «Это была послед- няя деталь, завершившая модную прическу», — ответи- ла я.

Владельцев телевизоров тог-

да было не так много, тираж наших передач был маленький, и относился мы к телезрите- лям не то что с меньшим уваже- нием, а как-то проще, по-до- машнему. Случись что-нибудь подобное теперь, я, конечно бы, извинилась, а тогда отдела- лась шуткой. Но урок получила хороший — в студию надо при- ходить собранной, сосредото- ченной, внутренне готовой к эфиру.

А мне не страшно...

В 60-е годы несколько пре- увеличивались страхи ведущих перед телевизионной камерой. Камеру называли коварной, красный глазок сравнивали с глазом удава или циклопа, пря- мому репортажу в эфир искали аналог в цирке, когда исполни- тель работает под куполом без- лонжа и зритель как бы вместе с ним переживает риск и опас- ность. Нам задавали такого ро- да вопросы: «А вас никогда не охватывает состояние пани- ки во время передачи?» Или: «Что испытывает человек перед камерой в студии?» Не придет же никому в голову спросить актера, какое чувство он испы- тывает на сцене, когда откры- вается занавес.

Приводились также примеры, что на Западе комментаторы пьют перед выступлением для смелости кто виски, а кто транквилизаторы. У нас один из литераторов (видимо, из доб- рых чувств ко мне) написал, что «Леонтьева так «болеет» за свои передачи, что перед каж- дой заболевает физически! Не бойся почти на одной передаче, когда бы перед началом запи-

си она была совершенно здоро- ва».

Преувеличение. Я действи- тельно не сплю ночь перед за- писью, но бессонница и отсут- ствие аппетита ничего общего не имеют с нервным шоком. Это творческое волнение. Оно естественно, неизбежно и мно- гим знакомо, каждый его пере- живает по-своему.

В свое время Сергей Серге- вич Смирнов сказал о Нине Кондратовой: «Ощущение те- лезрителя — у нее элемент естественного человеческого общения. Кивнуть глазку теле- камеры для нее так же естест- венно, как сказать на улице знакомому — здравствуйте!»

Какая добрая и простая фор- мула.

В книге В. Саппака «Телеви- дение и мы» много написано о работе дикторов, в частности о моей. Боюсь показаться не- скромной, но фразу, которую сейчас процитирую, помню на- изусть: «Итак, телевидение, год 1960-й. Если бы у меня спро- сили, что более всего другого мне интересно на телеэкране, я бы, не задумываясь, ответил: диктор Валентина Леонтьева. (Трудно передать, какие чувст- ва эти слова у меня вызвали. — В. А.). По известному закону психологии нам интересно не то, что мы знаем вполне, и не то, что мы не знаем вовсе. Нам интересно только то, что мы уже знаем, но знаем недоста- точно. Мы вроде бы знаем о Леонтьевой, о Шиловой очень многое. И не знаем почти ниче- го. Закон неполного знания, стремящегося стать полным, действует здесь в самом своем чистом виде».

В своей книге Саппак делится

ЗАПИСКИ ДИКТОРА ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

— Э-э,— разочарованно тя- нет Хрюша.— А я-то думал... Он даже без носика!

— Да что ты, Хрюша! Этому подарку цены нет,— вступила я с ним в спор.

Хрюша остался в одиночест- ве. Во всяком случае реакция ребят того детского сада, кото- рый посещал мой новый знако- мый, была единодушной. Маль- чик стал героем дня. Об этом мне рассказала его мама (мы встретились с ней в той же бу- лочной).

Конечно, подобный сюжет нетрудно было бы и придум- мать. Но надо ли говорить, что значила для меня его достовер- ность и какие новые импульсы дала она мне. Думаю, что и де- ти почувствовали, что я рас- сказала им историю, которая на самом деле произошла со мной. Они удивительно реаги- руют на фальшь, как сейсмо- граф на землетрясение, и не менее удивительно верят в ре- альность вымысла. Детям нельзя лгать, их нельзя обма- нывать, но не бывает детства, которое бы не освещалось прав- дой фантазии, правдой сказки.

Никогда не забуду слов аку- шерки из города Владимира. (Это было на передаче «От всей души»):

— Кто сказал, что дети рож- даются одинаковыми? Один громким криком извещает о своем приходе в этот мир: «По- шевелитесь, я пришел!» Второй будто отвергает твою помощь: «Не надо, я сам!» А третий плачет: «Не покидайте меня! Как мне трудно! Помоги- те мне!» Это младенцы такие разные, а взрослые...

Со многими интересными людьми встречалась я на более

чем сорока передачах, и каж- дый раз встреча раскрывала мне новую индивидуальность.

Встреча через полвека

На передачу, посвященную Кузнецкому металлургическо- му комбинату, была приглаше- на Металина Федоровна Тито- ва. Она родилась в Новокузнец- ке в год пуска комбината, и в честь этого родители нарекли ее Металиной. И вот получаю телеграмму: «От всей души пе- редайте наилучшие пожелания Металине рада что я не одна приглашаю в гости» — и под- пис: «Металина Нахаева».

Наверное, у обеих женщин что-то общее в судьбах: в на- чале 20-х годов появилось мно- го новых имен, в них отражал- ся энтузиазм эпохи.

Хочу рассказать о человеке с редкой фамилией — Валерии Павловиче Автостроеве. Живет он в Горьком, в Автозаводском районе. Принадлежит он к то- му же поколению, что и Металина Федоровна. О родителях своих ничего не знал, воспитыв- вался в детском доме. В то вре- мя было в самом разгаре стро- ительство Нижегородского автогиганта, и только что ро- дившееся слово «автострой» стало самым популярным. При- шло время идти мальчику в школу. Так он получил свою фамилию, а имя и отчество да- ли ему в честь прославленного земляка нижегородцев Валерия Павловича Чкалова — легендар- ного летчика, первого депутата автозаводцев. Валерий Авто- строев закончил ремесленное училище при заводе, в 16 лет

стал рабочим. Войну прошел ря- довым, и снова Автостроев на автозаводе. 40 лет он прорабо- тал в цехе сборки грузовых ма- шин. В день передачи его сыну Сергею торжественно вручи- ли паспорт. И вот получаю письмо от Риммы Алексеевны Горьчевской из Волгограда: «Я решила написать вам. Благода- ря «От всей души» встретились мать с сыном». Римма Алексе- евна вложила в конверт вырез- ку из газеты «Волгоградская правда» — «Они встретились че- рез полвека». Приведу отрыв- ки:

«Мать нашла сына через пол- века... 82-летняя жительница ра- бочего поселка Рудня Марина Михайловна Ангелова прожила нелегкую жизнь. Много невзгод выпало на ее долю. В трудном 1932 году семье Ангеловых от- правилась на юг в хлебные края. На одной из станций трое ее ребятшек потерялись. Поиск ни к чему не привели. Не- сколько лет спустя выяснилось, что младший сынишка вскоре умер, а Паша и Миша были увезены неизвестными людьми. Их, наверное, посчитали бес- призорными. Шли годы. В семье Ангеловых родилось еще двое детей — Валя и Лида. Потом нашлась Паша. Оказывается, она жила рядом, в Душанбе, где поселились тогда Ангеловы. Она-то и рассказала, как дети отстали от родителей, где умер младший. Материнское сердце не успокоилось. Не было чер- ноголазого Миши. Где он? Куда забросила его судьба? Ведь он был настолько мал, что и рас- сказать о себе не мог. Марина Михайловна не переставала на- деяться, что ее Миша жив. И вот весенним мартовским вече- ром смотрела она по телевиде- нию передачу «От всей души». Ведущая В. Леонтьева пригласи- ла на сцену рабочего Горьков- ского автозавода Валерия Пав- ловича Автостроева, ветерана

предприятия, проработавшего на нем десятки лет, фронтови- ка, человека нелегкой судьбы. «Да это мой Миша! Живой!» — вскрикнула потрясенная мать. И вот состоялась встреча через полвека. В Рудню из Горького приехал Валерий Павлович Ав- тостроев...»

На передаче «От всей души» часто происходят неожиданные встречи. Но вот эту встречу нельзя было предусмотреть.

Ничего не отдам прошлому!

Грядет тридцать шестая пере- дача.

Помню, вернее, не помню, а знаю всех героев прошедших передач. И память здесь ни при- чем — я ничего не отдаю прош- лому. Это содержание моей жизни.

Никогда не рассказывала об этом. Кажется, даже товарищи мои по молодежной редакции не догадываются о той подгото- вительной работе, без которой я как ведущая была бы несо- стоятельна. Иначе они не счи- тала бы, что Леонтьева не при- нимает участия в подготовке передачи «От всей души», она является только диктором.

Просто диктором!.. А что это значит? Станиславский учил актеров: если играешь скупого, ищи, где он добрый. А если по- менять определения местами, то получишь: играешь доброго, ищи, где он скупой. Для меня это неприемлемо, и здесь с ак- терами мне не по пути. Если я чувствую, что доброта в буду- щем герое передачи качество определяющее, я буду искать истоки этой доброты, постара- юсь распознать в человеке ту душевную энергию, цельность натуры, которая дает ему силу быть добрым. Ведь только сила способна сделать человека доб- рым, слабость делает его доб- ренкием.

Когда я работаю над сценари- ем, я слышать не хочу о нега- тивных чертах характера моего героя. Пусть в моем представ- лении он будет лишен отрица- тельных качеств. Однажды я случайно узнала, что человек, с которым мне предстоит встре- ча на передаче, любит выпить. Как мне это мешало, я все вре- мя об этом думала.

Нет, я отнюдь не идеализи- рую людей. Меня прежде всего интересует гражданское начало в человеке. Вы спросите: «А нравственное?» И нравственное!

Нет, я не идеализирую на- ших героев, но в сознании сво- ем создаю идеальное представ- ление о каждом из них.

Когда шла передача, посвя- щенная людям Кузнецкого ме- таллургического комбината, к тому дню металлурги отлили именные медали героям пере- дач. На каждой — соответст- вующее характеру человека, его вкусу, привязанностям и даже судьбе выбито изречение. Мне тоже вручили такую медаль с надписью: «Для искусства нет более благородного и высокого предмета, как человек» (В. Г. Белинский). Для телевидения слова эти имеют непреходящий смысл. Убеджена, что голубой экран рассматривает человека не только как самый высокий и благородный, но и как единст- венный предмет искусства. Дру- гого у нас нет! В этом, может быть, наиболее ярко проявляется пресловутая специфика ТВ. Эта надпись вновь и вновь воз- вращает меня к передаче «От всей души», и я вдумаваюсь в мысль Белинского, ставшую уже аксиомой. В переложении на язык телевизионного экрана я бы ее прокомментировала так: нет на свете ничего выше человеческого духа, и нет ниче- го благороднее для художника, как воссоздать эту его мощь.